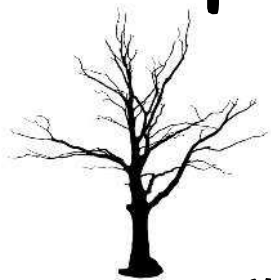

ЕЛЕНА
КОЛИНА

ТОЛСТОВСКИЙ ДОМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
К60

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Лучшие книги российских писательниц»

Оформление переплета — *Александр Шпаков*

Издательство благодарит литературное агентство
«Аmapola Book» за содействие в приобретении прав.
[http:// amapolabook.com](http://amapolabook.com)

Колина, Елена.

К60 Толстовский дом / Елена Колина. — Москва, Издательство
АСТ, 2019. — 576 с. — (Лучшие книги российских писательниц).

ISBN 978-5-17-088455-1

Елена Колина, лучший писатель среди психологов и лучший пси-
холог среди писателей. Ее фирменный стиль — необычайная искрен-
ность, тонкий психологизм и поразительное остроумие.

Перед вами захватывающий триптих, полный драматических со-
бытий и неожиданных поворотов, о жизни нескольких семей, живущих
в знаменитом питерском Толстовском доме. Эта книга об их жизни,
полной разочарований и очарований, которой живем мы, всё наше по-
коление, последние десятилетия.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088455-1

© Е. Колина, 2019
Все права защищены
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Предпоследняя
правда*

В этой книге нет ничего скопированного с реальности,
все совпадения случайны, герои романа не имеют
ничего общего с реальными людьми.

В романе упоминаются известные люди,
названные своими, известными всем именами,
и это может внести некоторую путаницу,
поэтому просьба не переносить кажущуюся достоверность
на персонажей романа.

Кстати, отличить реальных людей от персонажей нетрудно:
они не разговаривают, а персонажи, напротив,
весьма разговорчивы.

$$\begin{aligned}
 \psi_0 = & (n+1) \frac{\kappa_1}{\kappa} + e^{-\kappa\tau} \left\{ \left(1 - \frac{\kappa_1}{\kappa} \right) \sum_{s=0}^n \frac{n^s (\tau-s)^s}{s!} - \right. \\
 & \left. - \frac{\kappa_1}{\kappa} \sum_{m=0}^n e^{\kappa m} \sum_{s=0}^{m-1} \frac{\kappa^s (\tau-m)^s}{s!} \right\}, \quad n \in \tau \leq n+1
 \end{aligned}$$

*Автореферат диссертации,
представленной на соискание ученой степени
кандидата физико-математических наук*

— Анечка, детка, я твоя мама! Кто еще скажет тебе правду — тебе тридцать восемь лет... Почему ты улыбаешься?! Может быть, я не в курсе дела и ты замужем?! Так ты просто скажи мне «я замужем», и я от тебя отстану!

Аня в сторону:

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу...

— Детка, ты думаешь, что я уже ничему не могу тебя научить, но я могу!.. Не имеет значения, что ты не ребенок, не имеет значения, сколько у тебя было мужчин!.. А сколько у тебя было мужчин?.. Больше одного? Нет, просто скажи мне — больше одного или меньше? Больше одного, но меньше двух?

Аня пишет цифру в воздухе.

— ...ЧТО?! О-о, я умоляю тебя, навсегда забудь число двенадцать, как будто его нет! ...Да, вот так всегда и считай — десять, одиннадцать, тринадцать... А что такого особенного тебе надо считать?! Деньги? Так ты их обжулишь на одну купюру, ты же не специально, — скажешь, что мама велела тебе навсегда забыть число двенадцать...

Монолог сопровождается Аниными демонстративными вздохами, гримасами, угрожающим прищуром, умильными улыбками и украдкой высунутым языком.

Аня включает компьютер.

— А почему ты дома?! По понедельникам ты должна быть в офисе. В офисе ты могла бы встретить достойного человека. А дома у компьютера ты не встретишь ни одного достойного человека, кроме меня. Почему ты дома в понедельник?!

Аня, не отрываясь от компьютера:

— Сегодня вторник.

— Как это вторник, когда я, твоя мама, говорю тебе, что сегодня понедельник?!

*Сцена из сериала «Понедельник во Вторник»,
сценарий Т. Кутельман*

Таня Кутельман родилась в Ленинграде 20 октября 1966 года. Лева Резник родился тремя месяцами раньше, 16 июля. Из роддома Леву и Таню принесли домой, на Рубинштейна, 15, в Толстовский дом.

Толстовский дом, один из самых знаменитых домов в Петербурге, — северный модерн, три соединенных ренессансными арками проходных двора, первый двор выходит на Рубинштейна, третий на Фонтанку... в третьем дворе у нас зимой стоит елка... во дворах фонари, эркеры, галереи, во всем сдержанная буржуазная изысканность декора. В советское время здесь любили снимать кино, выдавая дворы Толстовского дома то за один европейский город, то за другой, а однажды Толстовский дом был как будто Лондон, и здесь как будто жил Шерлок Холмс.

...Во дворе Толстовского дома всегда стоят художники с мольбертами, вьется стайка туристов, туристов привели посмотреть, как здесь красиво... экскурсовод им что-то рассказывает, — можно подслушать, что он говорит.

— Толстовский дом получил премию на Парижской выставке 1911 года. Это изумительный пример стиля «северный модерн»... Что? Сколько стоит квартира в этом доме? Сколько стоит квадратный метр площади в долларах или евро?.. Ну, не знаю, дорого. Иногда в журнале «Элитная недвижимость» можно увидеть объявление: «Продается элитная квартира в знаменитом Толстовском доме». В цене столько нулей, что нужно считать в столбик, сколько это евро или долларов. Это очень дорогая недвижимость — как на Манхэттене или в центре Парижа... Давайте лучше о прекрасном. Дом построил архитектор Лидваль. В сложную планировку здания включена последовательность трех соединенных арками проходных дворов, ведущая с улицы Рубинштейна на набережную реки Фонтанки. Из-за неправильной конфигурации участка продольная ось дворов имеет излом, поэтому аркады не образуют сквозной перспективы... Господи, ну что еще? Почему во дворе между «лексусом» и «мазерати» стоят раздолбанные «жигули»? Почему, почему... потому что в этом доме еще остались коммуналки...

Толстовский дом — дорогая недвижимость, но это чрезвычайно странная дорогая недвижимость. Когда рекламируют квартиру

в «новом элитном доме», обычно приводят аргумент: «Вы будете жить в однородном социальном окружении». Это означает, что рядом с нами не будет людей беднее нас, не будет бомжа, хирурга из детской больницы Раухфуса, пожилой учительницы географии, бедной бабушки, которая по этому двору в блокаду саночки возила. Людей богаче нас тоже не будет, ни одного банкира, олигарха, нефтяного магната. Рядом окажутся только люди, у которых ровно столько же денег, что у нас, и все вместе мы будем как подстриженный газон... Впрочем, так живут во всем мире — в социально однородной среде, как в манной каше без комков. А ведь чем разнее, тем интереснее. Или?..

Толстовский дом — это не вылизанный стерильный дом с однородным социальным окружением, наш дом уникален по своему социальному разнообразию, здесь представлены все варианты жизни: от роскошных квартир до коммуналок, от «лексуса» до разбитых «жигулей». В нашем элитном, элитном, элитном доме полно странностей и противоречий, у нас в одном подъезде позолота и мрамор, в другом кошки и запущенность, а бывает, что на одной лестничной площадке коммуналка и роскошное жилье. Может быть, в целом мире осталось только одно-единственное место, где представлена вся жизнь, а не кусочек.

В Толстовском доме большие квартиры... Очень большие квартиры, около двухсот метров. В советское время это были большей частью, конечно, коммуналки. Но и отдельные квартиры тоже были, в них жили академики, артисты, начальники и их дети — золотая молодежь.

Таня Кутельман, дочь профессора Кутельмана, — первый двор, третий подъезд, квартира на третьем этаже.

Виталик Ростов, сын знаменитого пианиста Ростова и певицы Кировского театра Моисеевой, — первый двор, первый подъезд, четвертый этаж.

Алена и Ариша Смирновы, дочери первого секретаря райкома Петроградского района, — подъезд напротив Виталика, пятый этаж, квартира напротив лифта.

Лева Резник, сын незначительных родителей, жил во втором дворе, — второй двор в Толстовском доме — это не черный двор, второй так же красив, как первый, — в квартире из семи комнат, где кроме Резников было прописано девятнадцать человек.

...Сейчас, конечно, все изменилось. В огромных квартирах, бывших коммуналках, живут очень богатые люди, для них наш дом, наш любимый старый дом, — «престижное элитное жилье». В бывших профессорских квартирах с отваливающимися обоями и сервантами советских времен осталась старая, очень старая советская интеллигенция или потомки старой советской интеллигенции, они могут пройти по двору своего детства с закрытыми глазами.

Все изменилось... Но не настолько «все», как кажется. Коммуналок еще много осталось. И кто там только не живет — милиционеры, модели, врачи, программисты, безработные. Толстовский дом, как Ноев ковчег, — в нем есть все.

У нас бывает забавно: охранник открывает уважаемому господину Резнику дверь «лексуса» — «пожалуйста, Лев Ильич», а мимо задумчиво тянется сосед в отвисших тренировочных образца 1980 года с помойным ведром в руке и, отталкивая охранника, говорит: «Левка-морковка, дай прикурить». Лев Ильич дает, потому что он — Левка-морковка. Они раньше в одной коммуналке жили.

В новом доме с однородным социальным окружением нет прошлого, нет дружб длиною в жизнь, ссор и романов, любви и предательства, а у нас, а здесь... Как говорил Райкин: «А у на-ас... а зде-еся...» У нас жизнь — как будто долгий-долгий сериал. Драма с элементами комедии, с детективной линией и психологической составляющей.

— *Три парадных двора Толстовского дома декорированы так же тщательно, как и фасады. В отделке дворов и фасадов использовались тесаный известняк, кирпич и штукатурка. В отделке дома видны элементы, характерные именно для творчества архитектора Лидваля... Что? Почему в таком дорогом доме до сих пор есть коммуналки? Ну, как почему коммуналки?.. Это же Ленинград. То есть Санкт-Петербург, конечно... Почему я говорю «Ленинград»? Знаете, мы, ленинградцы, когда говорим о прошлом, мы все-таки говорим «Ленинград». Мы ведь родились в Ленинграде, ходили в школу в Ленинграде и...*

И мы боремся с волнами, направляя наши лодки против течения, которое неизбежно относит нас в прошлое.

Фитцджеральд

Ленинград, 1969 год, обед у Фиры Резник

Было три звонка, — к Резникам три звонка.

— Я открою, — Илья бросился в прихожую, в глазах — праздник.

В каждом взрослом мужчине можно увидеть мальчика, нужно только подойти к мужчине как к шедевру, на котором, чтобы скрыть художественную ценность, сделана поздняя запись — к примеру, на Мадонне Рафаэля нарисованы лубочная Маша и три медведя. Можно, как говорят реставраторы, «расчистить», осторожно, слой за слоем снять позднюю запись с мужского лица, удалить следы разочарований и побед, жесткости, нежности, неприкаянности, беспомощности... и остального, что у кого есть.

Многих мужчин нужно долго реставрировать, скрести взглядом, чтобы разглядеть в них мальчика, но в тридцатилетнем Илье, не похожем ни на еврея, ни на русского, а похожем на молодого Марлона Брандо, — смягченный вариант молодого Марлона Брандо, — сексапильный, но не агрессивно брутальный, тоньше, изящней, нежней, с ироничной полуулыбкой, — увидеть ребенка было нетрудно. У Ильи Резника были откровенно детские глаза, счастливые и обиженные, как будто он всегда встречает Новый год, а Дед Мороз запаздывает.

— Кто там? — спросил Илья, подходя к двери.

— А там кто? — раздался ответ из-за двери. Шутка привычная, повторялась не раз, но всегда вызывала смех, Илья и в этот раз засмеялся.

— О-о, о-о... Фирка, иди скорей, ты не представляешь, кто к нам пришел! Кутельман с супругой! Эмка, Фаинка, привет! — восторженно завопил Илья и запел: — То ли дождик, то ли снег, то ли гости, то ли нет...

Из кухни появилась Фира, в переднике, с полотенцем на плече, за ней трехлетний Лева.

Фира — смуглая, большеглазая, с тяжелыми веками, ярко накрашенная, губы красные, веки ярко-голубые. Модное синее в розах платье обтягивало пышную грудь и полноватые бедра. Фира — учительница. Странно представить ее с классным журналом под мышкой, зажатую в безликий бежевый кримпленовый костюм и вообще ЗАЖАТУЮ В ШКОЛУ, — ей бы плясать с бубном, кружиться,

с хохотом задирая цветастые юбки, но — никакого хохота, никаких юбок. Фира преподавала математику в школе на Фонтанке на полторы ставки плюс классное руководство.

— Сколько раз тебе говорить — ну и что, что три звонка?! Спроси «кто», дождись ответа, потом открывай, — простой алгоритм, а ты все не понимаешь и не понимаешь!

— А я спросил, спросил! — жалобным подкаблучником прыгивал Илья, заглядывая Фире в лицо. Это была шутка, у Фиры, как говорила ее мать, характер дай боже, но Илья, высокий, худощавый, красивый, — не подкаблучник.

Илья был красив — нет смысла уточнять, как именно Илья был красив, какая у него была форма носа или рта, разве имеет значение форма рта, носа, глаз молодого Марлона Брандо, просто он такой, что сердце замирает. Вот и при взгляде на Илью сердце замирало.

Илья был красив и выглядел иностранно и как будто не отсюда — не из этой коммуналки, не из Котлотурбинного института им. Ползунова, где он трудился инженером, не из советской жизни. Илья Резник с его вечной иронической полуулыбкой был похож сразу на всех героев своего времени, на сексапильного Брандо, разочарованных героев Ремарка, мужественных героев Хемингуэя, на европейских интеллектуалов... Конечно, все это: красота, сексапильность, ироничность, было втиснуто в обличье советского инженера — сшитые в соседнем ателье брюки со старательно выверенным клешем 23 см, белый трикотажный бадлон из Прибалтики, пиджак производства фабрики им. Володарского с модными кожаными заплатками на локтях, вырезанными из старых Фириных сапог. Сшить пиджак в ателье было, как говорила Фирина мама Мария Моисеевна, «не по средствам». Но даже в этой старательно приукрашенной одежде, какую носили тысячи инженеров, Илья не был «человеком Москвошвея», он был похож на кого угодно, только не на советского инженера.

Илья, европейский киногерой, и Фира, цыганка-молдаванка, были красивая пара, а Кутельманы — некрасивая пара. Фаина — худенькая, приглушенных тонов, такая невзрачная, что за невзрачностью не разглядеть правильные черты лица, и одета как пионерка, белый верх, черный низ. Эмка Кутельман — самый молодой кандидат наук на кафедре теории упругости матмеха университета.

Студенты называли его Эммануил Давидович — это в лицо, а за глаза «Эммочка».

Скорей всего, Эммануилу Давидовичу суждено до старости быть Эммочкой, такой он милый и трогательный, — это если смотреть на него добрым взглядом. А если посмотреть на него недобрым взглядом, Эммануил Давидович похож на тойтерьера: маленький, худенький, со спины можно принять за не слишком хорошо физически развитого подростка, — находка для антисемита.

— Профессор, разрешите ваш плащик, — Илья склонился к Кутельману, нарочито угодливо, как швейцар. — Обед уже готов...

Илья улыбался, но ирония не имела отношения ни к чему конкретному, ни к гостям, ни к обеду. Илья всегда одинаков — всегда ироничный киногерой и всегда немного не здесь, как будто его подрезали в полете, окольцевали, и в любое мгновение он готов вскочить и улететь. Куда улететь?.. Туда, где интересней.

Илья и Эмка были в некоторой степени коллеги, Илья — выпускник Политеха, Эмка окончил матмех университета. Илья, инженер в ЦКТИ им. Ползунова, называл Кутельмана, занимающегося теорией упругости, одним из самых сложных разделов математической физики, «профессор», как двоечник говорит «отличник фигов», «зубрилка очкастая», — здесь и насмешливо-презрительная интонация, и подспудное растерянное уважение к тому, что не дано самому. Сам он никогда не будет ученым, никогда.

Но — ученым можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан, и Илья кандидатом станет обязательно — поступит в аспирантуру и через три года защитит диссертацию. Эмка говорит — в НИИ проще защититься, потому что экспериментальную часть можно делать вечером прямо на рабочем месте. Эмка — понимает. Эмка после защиты диплома остался на кафедре, уже защитился, преподает. Он из научной среды, из математической семьи, его отец — знаменитый профессор Кутельман, создавший научную школу, автор учебника по высшей математике, по которому учились несколько поколений математиков.

Иногда Илья обращался к Эмке «профессор, сын профессора». Себя Илья называл «инженер, сын инженера», а Фиру — «Фира, дочь башмачницы», потому что ее мать работала на фабрике «Красный треугольник», стояла на конвейере, вкладывала стельки в галоши.

«Фира, дочь башмачницы» звучит как «Тристам, сын Сигурда», «Олав, сын Ингвара», название северного эпоса или саги. Фира обижалась, не хотела быть героиней северного эпоса. Тогда «Фира, дочь галошницы», веселился Илья. Фира обижалась всерьез. Илья сердился, что у нее примитивное чувство юмора, Фира сердилась, что ему не все в ней нравится, Илья сердился, что она такая обидчивая, — и все это было лишь поводом для сладкого примирения, как и все другие обиды, ссоры, как вообще все остальное было лишь поводом к их любви.

Из них как будто сочилась страсть, нетерпеливое ожидание ночи, и Фира, такая властная, строгая, такая «учительница», вдруг посреди общего разговора плыла глазами, глядела на Илью млеющим взглядом или вдруг не к месту говорила «Илю-ушка» таким тоном, будто между ними прямо сейчас, на глазах у всех, творится любовь. Кутельман невольно, ненамеренно, как экспериментатор, ВСЕГДА наблюдающий за своей установкой, регистрировал эти приступы влечения, эти внезапные токи. В такие мгновения ему бывало неловко... да что там неловко, это была целая гамма чувств — стыд, как будто он присутствует при чужой любви, и восхищение ими, такими красивыми, сильными, такими телесными, и даже — это было нечасто, совсем редко, всего два или три раза, — случалась робкая убегающая попытка представить, КАК ЭТО — быть на месте Ильи... Но ведь он НЕ МОГ оказаться на месте Ильи. Он не мог оказаться на месте Ильи, ему не нужна была такая жена, как Фира, слишком сильная, слишком телесная...

У Кутельмана вообще было сложное отношение к чувственной любви, и до некоторой поры он был уверен, что он на свете один такой — странный, пока не прочитал случайно одного полуразрешенного-полузапрещенного писателя, который с тех пор стал ЕГО ПИСАТЕЛЬ.

Кутельман был равнодушен к литературе: читал то, что Фаина подсовывала, недавно прочитал в «Новом мире» Грекову об ученых-оборонщиках — не понравилось, перед этим «Мастера и Маргариту» Булгакова в журнале «Москва», Фаина долго на него в очереди стояла, — не понравилось, какая-то надуманность, и ничто его по-настоящему не трогало. Фаина очень любила вопросы типа «Назовите десять книг, которые вы возьмете с собой на необитаемый остров», — он не назвал бы ни одной, кроме, пожалуй, «Выс-

шей арифметики» Дэвенпорта — сто семьдесят шесть страниц наслаждения. Он был согласен с мнением Гаусса: высшая арифметика имеет неотразимое очарование, превосходит другие области математики, и трудности в доказательстве теорем высшей арифметики делают ее любимой наукой величайших математиков.

ЕГО ПИСАТЕЛЬ занимал особое место в его душе — не на книжной полке на необитаемом острове, а именно в душе, и Кутельман мысленно хитровато улыбался — здесь не обошлось без мистической связи, иначе как мог другой человек так математически точно выразить именно его ощущения?.. Он читал своего писателя нечасто, но когда читал, содрогался от узнавания: это было вроде бы не про него, но совершенно про него. Это не был изысканный стиль или любопытные мысли, мысли были простые, проще не бывает, но от ЕГО ПИСАТЕЛЯ бывало физически больно, и он читал его, когда чувствовал «затупление», — так он определял для себя странное, не то тоскливое, не то сердитое состояние, когда вдруг переставал радоваться жизни. ...Кутельман думал: счастливый, радостный, физически полноценно живущий Илюшка, чувствует ли он иногда «затупление»? Если да, то, наверное, избавляется от него с помощью физической любви...

Кутельман долго не решался прикоснуться к Фаине, совсем как ЕГО ПИСАТЕЛЬ, который в ожидании первого любовного опыта был занят «чем-то трудным, грустным и счастливым, томительной неопределенностью сердца». Кутельман ждал, что первая его с Фаиной физическая любовь, вообще для него первая, будет такой, как его писатель описывал первое сношение с женщиной: «...он все время внимательно слушал высокую точную работу сердца. Но вот сердце сдало, замедлилось, хлопнуло и открылось, но — уже пустое. Оно слишком широко открывалось и нечаянно выпустило свою единственную птицу. Сторож-наблюдатель посмотрел вслед улетающей птице, уносящей свое до неясности легкое тело на раскинутых опечаленных крыльях. И сторож заплакал — он плачет один раз в жизни человека, один раз он теряет свое спокойствие для сожаления». ЕГО ПИСАТЕЛЬ от первого опыта «ожидал лишь пустяков, но женщина оказалась устроена неожиданно, и он удивился свободе своего наслаждения...».

«А у меня ничего подобного не было», — написал Кутельман на клочке бумаги после того, как они с Фаиной стали близки, скомкал листок и выбросил.

А у него ничего подобного не было — он ожидал лишь пустяков, и это оказалось пустяки.

Фаина — лучшая жена на свете, близкая, правильная, именно такая, которая ему подходит. Что же касается физических отношений, у них с Фаиной все было как у всех, как положено. У его писателя это очень точно названо — «бедное, но необходимое наслаждение».

— Эмка, а у меня для тебя сюрприз! — азартно, с горящими глазами, сказал Илья, обняв Леву, — это была не ласка, а просто он его придерживал, чтобы тот не убежал. — Неземной, ну-ка скажи, сколько будет девять умножить на два и прибавить восемь?

Лева — хорошенький, пухлый, кукольный, щечки-ресницы-кудри, каким же еще он мог быть у таких красивых, таких ярких родителей?.. Младенцем Лева привлекал внимание везде — на улице, в магазине, в поликлинике. Нависая над Левой, люди охали, ахали, причмокивали, возводили глаза к небу, восхищенно говорили — «ребенок неземной красоты». Так Лева получил шутовское домашнее прозвище Неземной, но из часто употребляемого слова быстро исчезает шутовской смысл, и вскоре между Резниками и Кутельманами уже совершенно обыденно звучало: «Неземному нужно новое пальто» или «у Неземного паршивые гланды».

Горло у Левы было вечно больное, одна ангина за другой, Фира с Фаиной все не могли решиться удалить гланды — Неземной такой впечатлительный, как он перенесет операцию, боль, кровь? Фира водила Леву к знаменитому гомеопату Тайцу на улицу Желябова, Фира с Фаиной по очереди ходили с ним на ингаляции в детскую поликлинику на Фонтанке. Левины гланды были постоянной темой за столом, «гланды» было слово, которое от многочисленных повторений не потеряло свой драматический смысл. А Таня была крепкая девочка, и гланды у нее были отличные, ангиной она ни разу не болела.

— Умножение? Не смейся. Это у меня для тебя сюрприз, — усмехнулся Кутельман и хитренько попросил: — Неземной, извлеки квадратный корень из шестнадцати.

— Двадцать шесть, папа, четыре, дядя Эмка, — ответил Лева — щечки-ресницы-кудри.

— Из двадцати пяти, — скомандовал Кутельман.

— Пять, — безмятежно сказал Лева.

— Ой, ребята... Ой, ой!.. У меня сейчас бульон перекипит! — панически весело закричала Фира, бросилась на кухню. Фаина пожалала плечами и нехотя двинулась в сторону кухни, — подумаешь, бульон, подумаешь, перекипит.

Фира очень рьяно относилась к приему гостей. Она ко всему относилась рьяно, со страстью: и к бульону, и к семье, и к работе — от нее прямо искры летели. И все у нее должно быть по первому разряду: и бульон, и семья, и работа. И обязательно должна быть перспектива, чтобы знать, для чего жить, сверять каждодневные достижения с жизненным планом, знать, по правильному ли пути движешься. У Фире есть перспектива, есть уверенность в будущем, — в ее страстном жизненном плане было самой стать завучем, а Илье защитить диссертацию.

Фира большая спорщица и всегда права. Нельзя сказать, что она не прислушивалась к чужому мнению, она очень любила чужое мнение — как повод доказать свою правоту, побороться ЗА СВОЕ, и, победив, завершала спор взглядом «что и требовалось доказать», как будто доказывала у доски теорему, — победоносно повторяла: «Ну что, я права?» и лучилась счастьем.

«Права-права», хотелось ответить. Раз попав в ее орбиту, человек с меньшим, чем у Фире, запасом жизненных сил, ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК, чувствовал от нее почти наркотическую зависимость. Красота — да, конечно, Фира была красива необычной для ленинградской еврейки смуглой теплой южной красотой, но дело было не в красоте. Такое сильное и прекрасное было в ее глазах, улыбке, ей так весело жить, радость так бурно булькала в ней пузырьками, что трава рядом с ней казалась зеленее, солнце солнечней, дождь дождливей. И властность ее как будто обещала: слушайся меня, и будет тебе счастье, в бесцветной твоей жизни вспыхнут яркие краски, и будет тебе весело и энергично.

Ну, а Фаина спокойно относилась к бульону, ко всему. С Фаиной было ОБЫЧНО, но немного напряженно, как будто тебя строго спрашивают: «Ты правильно живешь? Ты достигаешь?»

В сущности, обе подруги хотели ДОСТИЧЬ, но в Фириной системе жизненных ценностей все смешалось, ничто не занимало первого места, — первое место было у ВСЕГО, Фира на каждом сантиметре жизни хотела быть лучшей. Фаино же достижение было дру-